

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

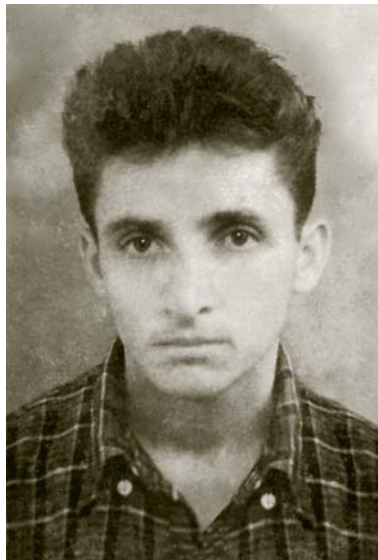
НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА

О ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТОРАХ, УЧИВШИХСЯ В ВГУ

Наш альманах уже рассказывал о питомцах ВГУ, отличившихся на ниве отечественной словесности (см.: Ласунский Олег. *Литературный ВГУ: имена, даты, адреса // Университетская площадь. 2013. № 6. С. 94–103*). Однако картина будет неполной, если мы, вспоминая о литературных успехах воспитанников Воронежского университета, обойдем вниманием иностранцев, бывших когда-то студентами этого вуза и впоследствии ставших мастерами слова у себя на родине.

К сожалению, назвать имена всех зарубежных писателей, прошедших через ВГУ, пока сложно: интерес к иностранцам в нашей стране никогда особо не приветствовался, а в иные годы попытки разузнать о судьбах иноземных братьев и сестер по alma mater были вообще небезопасны. И тем не менее попытаться, хотя бы в общих чертах, рассказать о некоторых представителях зарубежных литератур, связанных с ВГУ, мы рискуем.

Для начала вспомним человека, отдавшего Воронежскому университету 33 года жизни. Это греческий поэт **Георгис Веллас (1936–2015)**. Появился он в нашем городе в 1957-м вместе с тремя соотечественниками. Тогда же написал в автобиографии: «Отец мой – каменщик, а мать – домохозяйка. Я учился в Греции до

Таким Георгис Веллас впервые приехал в Воронеж. 1957 год

3-го класса. Родители принимали активное участие в партизанских отрядах Демократической армии Греции во время Гражданской войны в 1946–1949 гг. После поражения в войне, мне, как и многим другим детям греческих повстанцев, пришлось эмигрировать, т.к. нас преследовали реакционные власти. Я перешел границу Греции и прибыл в Албанскую Народную Республику. Год жил в детдомах городов Корча и Фиери. Потом, с помощью междуна-

родного Красного Креста, меня вывезли в Югославскую Н. Р., в город Охрид, откуда отправили в Румынскую Н. Р., в город Арад. Здесь в 1951 г. я вступил в ряды ЭПОНа (греческого комсомола), а в 1952 г. – в Союз молодежи Румынии (И.Т.М.) и сразу же был избран первым секретарем комитета И.Т.М. В 1954 г. меня приняли в ряды Коммунистической партии Греции по личной рекомендации председателя ЦК КПГ А. Грозоса¹. В г. Бухаресте я окончил греко-румынскую гимназию (LME), а в 1955 г., узнав, что мои родители эмигрировали в СССР, приехал в Советский Союз, в г. Ташкент. Здесь ходил в 34-ю среднюю школу, чтобы получить советский аттестат зрелости. Потом, до приезда

да в Воронеж, работал разнорабочим и каменщиком в различных строительных организациях Узбекской ССР. В 1957 г. поступил в САГУ (Среднеазиатский

¹ Апостолос Грозос (1892–1981) – участник Гражданской войны в Греции, глава директората ЦК КПГ (1952–1956), член Политбюро (1956–1957), председатель ЦК КПГ (1957–1974).

государственный университет), на историко-филологический факультет. В том же году был переведен на учебу в ВГУ...»

Университет вошел в судьбу Г. Велласа на долгие годы. После учёбы была преподавательская работа: сначала на факультете романо-германской филологии, потом на кафедре истории Древнего мира и археологии истфака. Читал курсы по античной истории и культуре, вел спецсеминары по латинскому и древнегреческому языкам, в 1975 году стал кандидатом наук, написав диссертацию по творчеству Яниса Кордатоса².

Георгис Веллас опубликовал более 450 научных статей, выпустил 37 книг, в основном после 1990 года, когда вернулся в Грецию. Его первая книга стихов «Эллада – любовь моя» пролежала в Воронежском издательстве тридцать лет и вышла в свет, когда поэт уже уехал из нашего города. На русский язык его поэзию переводили воронежские авторы Евгений Новичихин, Лев Коськов, Лариса Москвина, Валерий Исаеяц, Виктор Самойлов, Олег Шевченко...

О стихах Г. Велласа критика писала так: «Поэт ведет нас по волнам творческой памяти, рисуя яркие картины жизни, облеченные в форму обдумывания-переживания. Причем не только конкретных событий, но и в целом своего присутствия в брэнном мире».

Я, как поля / осенние твои, / Стал красками богат – / их нет чудесней. / Кольцовские / степные соловьи / Теперь меня и в стужу / греют песней...

«Было что-то завораживающее в том, как Георгис читал свои стихи, – вспоминает профессор журфака ВГУ Л.Е. Кройчик. – Выходил он на сцену робко, словно стесняясь своего появления, чуточку покачивался в такт словам и негромко, подчеркиваю – негромко, говорил с залом по-гречески. Русскоязычный зал доброжелательно внимал...»

Георгис Веллас ушел из жизни 24 января 2015 года после тяжелой болезни. До последнего дня вспоминал Воронеж, писал друзьям грустные письма: «Я считаю Россию своей второй родиной. Честно говоря, Грецию я часто называю мачехой – и в беседах с друзьями, и в стихах. Очень скучаю по Воронежу, по университету...»

А вот поэтическая судьба выходца из другой части света.

«В 70-е годы на филологическом факультете нашего университета было много студентов-вьетнамцев, и среди них яркой звездой выделялся Ле Ван Нян. Он был необыкновенно талантлив и к третьему курсу освоил трудный для вьетнамцев русский язык настолько, что стоило закрыть глаза и нельзя было поверить, что слышишь речь иностранца», – вспоминал недавно ушедший из жизни профессор А.М. Ломов. **Ле Ван Нян (р. 1952)** – один из интеллектуальных столпов нынешнего Вьетнама. Он – декан факультета русского языка Ханойского университета, генеральный секретарь Центрального правления Общества вьетнамо-российской дружбы, диктор популярной в стране радиостанции «Голос Вьетнама»... Но главное – он поэт, выпустивший уже шесть стихотворных сборников, три из которых написаны на русском языке. Сам по себе это уникальный случай: ни в одной из стран сегодняшнего мира нет больше человека, который, будучи иностранцем, пишет стихи по-русски.

Ле Ван Нян – студент ВГУ

Родился Ле Ван Нян в многодетной крестьянской семье в самой большой по площади провинции Вьетнама – Нгеан. Учился в школе, потом по государственной программе приехал в Советский Союз.

В 1975 году окончил филфак ВГУ, а через десять лет вернулся сюда и поступил в аспирантуру. Профессор А.М. Ломов вспоминал: «Я все время удивлялся, что мне совершенно не приходится править его текстов: изложение везде было четким, толковым, в итоге Нян блестяще защитил кандидатскую диссертацию – нетривиальную работу по формам русского общения». Об этой своей работе сам поэт рассказал в написанном по-русски шутивном стихотворении «Читая свою диссертацию»:

Работу я посвятил характеристике / того, к кому обращается адресант; / Какой из жизненных признаков-доминант / берут теперь для моей же квалификации? / Признаться, в жизни я вовсе не был прилежным, / за что и кого-то сурово критиковал! / Себя отныне не кандидатом назвал, / а новым человеком с характером прежним.

² Янис Кордатос (1891–1961) – греческий историк-марксист, деятель рабочего движения. Впервые в греческой историографии дал материалистическую трактовку новогреческой истории.

Известный вьетнамский поэт
и ученый-лингвист Ле Ван Нянь

Вообще, в русских стихах Ле Ван Няня лирический герой очень часто выступает одновременно в двух ипостасях: остроумного ученого-лингвиста и влюбленного в жизнь человека. В результате героями его стихотворных драм зачастую становятся падежи, предлоги, знаки препинания, орфография, пунктуация, интонация, речевой этикет, буквы, звуки, синонимы, категория рода, ударение, прилагательные и другие части речи – едва ли не все категории грамматики. Поэт создает их «портреты», ведет с ними беседу, и читатель ощущает упоение, которое испытывает автор от свободного и легкого владения гибким инструментом неродного ему языка.

Друзья вначале предложили тост / За счастье в жизни и за все прекрасное, / Но мы, филологи, поднявшись в рост, / Сказали: «За смягченные согласные!» / – «А что за штука?» – удивились все; / Пришлось поставить рюмки (к сожалению!), / Чтoб рассказать о звуках вообще / И как согласные «берут» смягчение... / А после выпили «на пошоок», / Ни слова не сказав про жизнь прекрасную,

/ И вместе выпили еще разок / За... редуцированные же гласные!

В русских стихах Ле Ван Няня много поэтических находок, основанных на лингвистическом мышлении автора, на знании им законов русского языка. При этом вьетнамский поэт часто вспоминает о годах своей юности, связанных с русским городом Воронежем и его университетом.

В одном из интервью Нянь признавался: «Это было время, когда Вьетнам вел многолетнюю войну с лидером капиталистической системы в мире. Поэтому в социалистическом Советском Союзе Вьетнам воспринимали как своего рода “совесть эпохи”. Поэт Константин Симонов писал: „Не спрашиваю, не выпытываю. / Сначала, как на полигоне, / Сам на себе Вьетнам испытываю, / Сам проверяю: все ли понял!“ В результате всего этого мы, детство которых отняла война, попали в СССР в атмосферу любви и заботы. В транспорте при виде вьетнамцев вставляли даже пожилые люди, чтобы освободить нам место! А в студенческом общежитии нам выделили самые светлые и самые тихие комнаты.

Во всяком случае, так было в Воронеже – красивом русском городе с чистыми, пахнущими цветами улицами, высотными зданиями, с садами, где росли яблоки и груши...»

Этот образ нашел отражение и в стихах. *Так случилось, Воронеж, что через тебя / В мир науки путям суждено проложиться. / Как на родину, долгие годы спустя, / Вновь приехал к тебе, Черноземья столица. / Уезжаю, но я не прощаюсь с тобой, / Расстоянье и годы не будут преградой. / Навсегда остаешься счастливой судьбой, / Вдохновеньем моим и светлейшей отрадой...*

Два других иностранных поэта, учившихся в ВГУ, приехали в Воронеж из Никарагуа в 1982 году. Здесь они окончили подготовительный факультет, после чего стали студентами знаменитого Литературного института в Москве.

Одна из них – **Альба Асусена Торрес (р. 1958)** – ныне известная никарагуанская поэтесса и дипломат. Сегодня она работает заместителем посла Республики Никарагуа; член сразу двух Союзов писателей – Никарагуа и России. В нашей стране живет уже больше тридцати лет.

В прошлом году, когда я решил представить поэзию Альбы Торрес на страницах альманаха «Ямская слобода», то разыскал ее в никарагуанском посольстве. На мою просьбу вспомнить о воронежском периоде своей жизни, донья Альба ответила охотно, прислав лирическую новеллу о периоде своей юности, прожитом в нашем городе.

Поэт и дипломат Альба Асусена Торрес

«Не то чтобы было сложно описать дни, проведённые мной в Воронеже, просто что-то сохранилось в памяти не полностью, уступив место наслаившимся сверху более свежим воспоминаниям...

Ну что же, попробую... В тот год я только приехала из Никарагуа – пахла солнцем, везла на плечах и в сердце победу Сандинистской революции¹, мысли об оставшихся друзьях, о доме, о матери, отце и братьях, наконец, о своей юности...

Воронеж был предвестником нового этапа моей жизни – жизни в неизвестной стране. Сначала я совсем не говорила по-русски. Тогда вместе с другими иностранными студентами – арабами, турками, африканцами и латиноамериканцами – мы изобрели некое подобие англо-русско-испанского наречия, понимать которое способны были лишь мы. Все мы крепко дружили, и я хорошо помню Росу Монтеро, мою перуанскую подругу, Карлоса из Коста-Рики, Клаудио из Чили...

Помню улицу Фредерика Энгельса, городские памятники. Троллейбус, занятия, холод, запах жа-

реного картофеля посреди непроходящего чувства голода, мы втроём: Клаудио, Сантьяго и я – читаем стихи и вспоминаем Вальехо²... Мы пытались читать и Александра Пушкина, но это было невозможно – мы едва-то могли произнести названия нескольких речек великой России или озёр Воронежа, ну и некоторые имена: Миша, Лена, Валодия... Мы ещё только открывали для себя огромные просторы русской культуры, красоту парков – в выходные, когда ребята пили пиво и рвали на тысячу кусочков высушенную рыбу («бобла»). Мы знакомимся с поэзией Ивана Саввича Никитина, видели красоту морского флота Петра Великого, нашли озеро, которое напомнило мне Никарагуа³, и поняли, почему говорят, что Воронеж – это колыбель российского флота.

В этом городе я написала стихотворения, преисполненные ностальгией по родной Никарагуа, по забытой любви, по погибшему на родине Ахмеду Кампосу⁴...

Жили мы в том же месте, где проходили наши уроки русского языка. Я помню преподавательницу Таису⁵ – она рассказывала нам о Льве Николаевиче Толстом, его детстве, называла его Лёвушка, – и мне это очень нравилось! Та учительница осталась в памяти замечательным человеком.

Невероятно, как быстро проходит время – всё это теперь уже история, и университету вот-вот исполнится сто лет, но он всегда будет в моей памяти как место, где началась моя жизнь в огромной и красивой стране».

Родилась Альба в небольшой никарагуанской деревеньке, спрятавшейся меж двух холмов и перерезанной серебристой чистейшей рекой. Стихи начала писать в десять лет, в студенческие годы уже всю публикувалась в литературных журналах.

Принципиально важная биографическая деталь: активно участвовала в Сандинистской революции 1979 года.

В 1982 году победила в национальном поэтическом конкурсе, после чего получила от правительства стипендию на учебу в Советском Союзе. И приехала в Воронеж.

Цветок огнеглазый, ночная бродяга / с неровной походкой, с лохматой гривой, / скажи, от какого за-

¹ Цепь событий в Никарагуа, завершившаяся в июле 1979 года свержением режима Анастасио Сомосы. Основной движущей силой революции был Сандинистский фронт национального освобождения, названный так в честь видного никарагуанского революционера 1920–1930-х годов Аугусто Сезара Сандино.

² Сесар Вальехо (1892–1938) – известный перуанский поэт, бунтарь и новатор.

³ Озеро Никарагуа – крупный пресноводный водоём в Никарагуа тектонического происхождения, единственное в мире пресноводное озеро, в котором водятся акулы.

⁴ Ахмед Кампос (1956–1982) – никарагуанский поэт, секретарь СФНО в провинции Нуэва Гинеа, которого убили «контрас» (вооружённая оппозиция сандинистскому режиму).

⁵ Имеется в виду Таиса Петровна Тарабрина, преподаватель русского языка подготовительного факультета для иностранцев ВГУ в 1979–1994 годах.

*морского флага / примчал тебя ветер случайным по-
рывом? / С безвестных озёр? Из забытых селений?
/ Скажи мне, не там ли лежат эти страны, / куда
в предвечерней истоме и лени / спускается солнце
залечивать раны?*

Критика писала: «Обострённый поэтический слух, умное проникновение в суть любого явления и парадоксальный взгляд на природу вещей – вот что отличает поэзию Альбы. В её ярких, ассоциативных, раскованных стихах – первозданная образность и метафористичность, поиск и открытие прекрасного, женское лукавство и прозорливая мудрость, тончайшие лирические переживания и смелые, сжатые до афористичности, выводы». От себя добавлю: и, конечно же, яркая гражданственность, которая у Альбы Торрес звучит без всякого надрыва, а легко и весело.

*Я жила и живу среди поэтов, / а они сумасшед-
шие и часто не признают приличий, / они вечно без
денег, бывают безжалостны / ни с того ни с сего, /
иногда надоедливы, и все до единого... / обманщики. /
Они стерегут дороги, / следят за весенними и осенни-
ми перелетами птиц. / Они всегда в окружении звезд,
миров, окон, / и, случается, / кто-то из них вдруг
обернется кометой / и пронесется, стремительный
и бессмертный. / Они вечно кружатся, кружатся,
кружатся... / Я давно среди них, и мне начинает ка-
заться, / что я узнаю поэта за кварталы, за киломе-
тры. / Потому что там, где побывал поэт, / оста-
ется женщина, ребенок, / птица, поющая ночью или
на рассвете... / сигареты, пустые бутылки, / груст-
ные стены, одинокие улицы, / муравьиные тропки или
/ тропы, протоптанные из прошлого босыми нога-
ми... / И очередной побежденный диктатор.*

Однажды со свойственной ей прямоотой донья Альба публично призналась: «Никарагуа – это страна поэзии, мечты и революции. Мы – сон, мы – метафора, превращенная в реальность. И вы, русские, понимаете это. То, что в огромной России знают и любят никарагуанскую поэзию, – не только чудо. Это значит, что вы любите свободу...»

Прожив в России три десятка лет, она продолжает в это верить.

Ее соотечественник, ровесник и однокурсник по подфаку ВГУ **Сантьяго Молина Ротчу (р. 1958)** считается ныне одним из величайших поэтов Никарагуа всех времен. Кроме того, он профессор американской литературы, магистр испанской лингвистики, к тому же у себя на родине имеет репутацию едва ли не лучшего специалиста по русской литературе, и особенно по творчеству знаменитого «воронежского узника» Осипа Мандельштама. А еще критика называет Ротчу «уникальным явлением латиноамерикан-

Сантьяго Молина Ротчу –
живой классик никарагуанской поэзии

ской литературы» и «апостолом „новой поэзии“», направления, возникшего в Никарагуа в постреволюционное время.

Российский переводчик Екатерина Хованович признается: «Когда-то, когда я переводила Сантьяго, его язык казался мне языком инопланетянина. То есть сама я в жизни бы ничего подобного не написала бы. Тогда, во всяком случае. А теперь смотрю: у меня еще много его стихов и в газетах, и в рукописях осталось. Стоит опять взяться».

В России Ротчу практически неизвестен, его стихи переводились ничтожно мало и то лишь в социальных сетях. И это печально, поскольку его поэзия – довольно неожиданный сплав латинской этики и древнегреческой эстетики – могла бы приоткрыть российскому читателю не только новые географические, но и аксиологические смыслы.

*В нашем доме / бессловесная свежесть осенне-
го ветра / желанна... / Она заставит нас бросить
под мостами велосипеда, / забыть о крылатом огне
камина, / снять костюмы и шляпы, в которых мы
гуляли по жёлтым улицам лета, / потому что на-
стало время бродить нагими, / как чужестранцы, в
безлистных аллеях. / Видишь – листья врываются в
окна / и, касаясь тел, возгораются сумрачным све-
том, / светом вечернего чаепития и переполненных
ласточками каштанов... / Глянем в зеркальные воды
прозрачного времени года, / передвинем кресла, съе-
дем по увитым вьюнком перилам, ведь осень / наши
шаги и молчание в тайных заводях копит...*

Он родился в культурном центре Никарагуа – городе Хуигальпа, который, по собственному признанию поэта, в детстве представлялся ему Итакой,

Арабский прозаик Саади аль-Малех

откуда можно запросто вслед за мифическим Одиссеем отправиться в путешествие по всему миру с помощью русских, французских и испанских текстов, которые юный Сантьяго читал в огромных количествах.

В 1982 году он приехал в Советский Союз, поскольку был очарован русской литературой. Сантьяго непременно хотел побывать в городе, где его любимый Осип Манделштам создавал свои знаменитые «Воронежские тетради». Потом была учеба в Москве, правда, недолгая: из Литературного института, в ту пору воспитывающего студентов в традициях соцреализма, Ротчу через два года сбежал во Францию. В Бордо, называемом французами «городом искусств и истории», он поступил в Университет Мишеля Монтеня, на факультет языков и цивилизаций. Получив степень магистра, Сантьяго поселился в маленьком городке Леспар-Медок на юго-западе Франции, где прожил почти двадцать следующих лет, сочиняя стихи, философские трактаты и печатая их в собственной испаноязычной интеллектуальной газете, которую Молина Ротчу издавал все эти годы. В 2005-м он вернулся на родину и почти сразу выпустил несколько книг, принесших ему славу живого классика.

...Снова дождь, но давай вспомним летних стрекоз / и пыльных дроздов, удирающих от неподвижного бешенства пугал, / и высокий мост, похожий на покинутый ветром замок, / куда мы поднимались смотреть на разноцветную гальку и листья в реке... / А сегодня всё – Ренуар, / Пьер Огюст Ренуар и его зонтики, / зонтики Ренуара и мы: девушка в голубом

с корзиной цветов, / девочка с обручем, прохожие, шляпы прохожих... / Ренуар и мы – это и есть зима.

В Европе, где Молина Ротчу хорошо знают, его творчество воспринимают как попытку постичь природу совершенства: откуда оно приходит в этот мир, как украшает, изменяет его.

И как разрушает.

Совершенство, убивающее жизнь, – это, пожалуй, и есть главная тема исследований никарагуанского поэта-интеллектуала, когда-то волею судьбы ставшего студентом Воронежского университета...

Из Центральной Америки перенесемся на Ближний Восток – там есть тоже воспитанники ВГУ, достигшие успехов на литературном поприще. Среди них – знаменитый арабский писатель **Саади аль-Малех (1951–2014)**. В августе 1978 года он успешно сдал выпускные экзамены по русскому языку на подфаке для иностранцев Воронежского университета и был принят на отделение журналистики ВГУ. Но уже через неделю аль-Малех был отозван из Воронежа в Москву для учёбы в Литературном институте.

Ещё студентом он опубликовался в «Иностранной литературе». В февральском номере этого журнала за 1983 год появился его «Бейрутский дневник» – яркие, экспрессивные записки о только что прошедшей Ливанской войне:

Окружённый с моря и с суши, отрезанный от мира, Бейрут оцетинился автоматами и оружейными стволами. Земля вокруг города изрыта воронками от снарядов, гусеницами вражеских танков. И ещё окопами, которые станут могилой для врага.

Та публикация имела предысторию. Летом 1982 года аль-Малех отправился в ливанский литературный журнал на практику, и в это время в стране началась война. После покушения палестинских террористов на израильского посла в Лондоне самолёты Израиля стали бомбить Бейрут, дабы уничтожить базы Организации освобождения Палестины. Так стажёр аль-Малех внезапно оказался на линии огня.

Ходить по улицам Западного Бейрута становится всё опасней. Но бейрутцы – удивительный народ, ей-богу! – как ни в чём не бывало идут себе на работу, открывают с утра свои лавки, выходят в город за покупками, сражаются... И упорно не покидают город, окружённый тройным кольцом блокады – военной, экономической, психологической. А ведь выбраться не так уж сложно: израильтяне и фалангисты умышленно облегчили выезд.

Аль-Малеху тогда повезло. В гостиницу, где он жил, попала бомба, а его самого в тот момент в отеле не было – вышел за сигаретами. Но в номере оставались его книги, рукописи – всё погибло...

Сотни голосов оглушительно скандируют: «Победа или смерть!», «Все на джихад, мусульмане!», «Нет – захватчикам, да – жизни!» И катится, неудержимо катится вперёд грозный людской поток, и кажется, нет такой силы, что могла бы его остановить. Да, теперь уж даже и те, кто просто отсиживался по домам, наверняка возьмутся за оружие...

Потом он писал о войне по-другому. В переведенной на русский язык повести «В ожидании Фараджаллы аль-Каххара» массовые насилия и убийства порождают уже не патриотические галлюцинации, а ощущение бессмысленной бойни:

Я посмотрел на север и увидел пепел, рассеивающийся над горами. Посмотрел на юг и увидел пепел, рассыпающийся над озёрами. Пепел смешался с песком, распространяя отвратительный запах над обломками сожжённых городов, деревень, садов, поверх наших сваленных в кучу надежд, которые когда-то были столь широки, что простирались по всей нашей зелёной земле...

К концу жизни аль-Малех стал убеждённым гуманистом, и случилось это прежде всего под влиянием мировой культуры, которую он тщательно изучал и пропагандировал. А культура, как известно, созидательна по своей природе. В отличие от той же войны.

После Литинститута аль-Малех несколько лет преподавал арабскую литературу в Ташкентском университете, потом учился в аспирантуре в Институте востоковедения Академии наук СССР, стал доктором филологии. Перевёл на арабский произведения Чингиза Айтматова, Фёдора Абрамова, Фазила Искандера, Нодара Думбадзе, стихи А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, А.А. Вознесенского...

В 1990-е неожиданно уехал в Канаду, где прожил почти десять лет. Там издавал литературный журнал и еженедельную газету арабской общины, писал статьи в ведущие арабские, европейские и американские издания. В 2005 году вернулся на родину, возглавил кафедру английского языка в университете в Эрбиле – столице Иракского Курдистана. В последние годы жизни руководил Департаментом сирийской культуры и искусств при курдском автономном правительстве. Успел открыть в стране музей сирийской культуры, организовать фольклорный танцевальный ансамбль, издать целую серию книг по искусству ассирийского народа...

В мае 2014 года аль-Малеха не стало: обширный инфаркт и мгновенная смерть. Ему было 63. Проститься с писателем пришли сотни почитателей его таланта.

Творческое наследие Саади аль-Малеха обширно. Помимо многочисленных переводов с русского и английского языков и огромного количества газет-

ной и журнальной публицистики, оно включает в себя целый ряд научных работ по истории культуры ассирийского народа, сборники собранных и записанных им курдских сказок и легенд, социографические исследования по теме отчуждённости и одиночества в крупных городах Востока и Запада. Ну и, конечно же, прозу.

Ещё при жизни аль-Малех стал ведущим писателем современного арабского мира. На родине его рассказы и повести выходили солидными тиражами и пользовались большой популярностью. И причиной тому был не только авторитет этого человека в арабском мире.

Долгие годы аль-Малех жил на Западе, впитывал его традиции и культуру. Это не могло не сказаться на авторском стиле. Его художественная манера письма построена на тесном взаимодействии восточного содержания и западной формы. В результате получается густая, ни на что не похожая проза, в которой читатель попадает то в мистику курдских сказок, то в мифологию восточного оккультизма, то в сферу подсознания современных героев, наполненную артефактами древних мифов и сегодняшними проблемами. Так возникают затейливая полифония ощущений, эффект сцепления множества жизненных историй из разных эпох. Критика называет это арабским постмодерном – жутко модное в нынешней Европе литературное явление...

Не могу не упомянуть и еще одного представителя арабского мира, получившего образование в ВГУ. **Аббас Халаф Кунфуд (1955–2013)** не был литератором в привычном смысле, хотя и состоял в ассоциации иракских писателей. В 1985 году в МГУ он успешно защитил диссертацию на тему «Радио-

Господин посол Аббас Халаф Кунфуд

Переводчик Аббас Халаф Кунфуд помогает общению Саддама Хусейна и Владимира Жириновского. 2001 год

пропаганда Израиля на арабском языке: доктрины, приемы, методы» и стал кандидатом филологических наук. Был достаточно известным и авторитетным публицистом у себя на родине, считался едва ли не главным специалистом в Ираке по русской литературе, о которой написал ряд статей. Однако прославился Аббас Халаф отнюдь не на этом поприще.

В течение 17 лет он был личным переводчиком Саддама Хусейна, о работе с которым до конца жизни вспоминал с нескрываемой теплотой. «Это лучшие годы моей жизни. Он мой босс! Пусть весь мир говорит, но я-то лично его знал. То, что писали и пишут, не имеет никакого отношения к действительности. Если и называть его диктатором, то он – диктатор-созидатель», – признавался доктор Аббас.

Он родился в Багдаде в многодетной шиитской семье торговца восточными тканями на знаменитом местном рынке. В 1977 году с отличием окончил университет по специальности «русский язык и литература». В те времена это был один из ведущих учебных заведений в арабском мире, позже, когда не стало Саддама Хусейна, ситуация, по мнению Аббаса Халафа, изменилась. «Иракские университеты превратились в трибуны для нынешних политических партий, – рассказывал он в одном из интервью. – Не так давно закрылся университет в Аль Мустан Сария из-за столкновения между студентами суннитами и шиитами. Сейчас очень сложно обеспечить безопасность преподавателей. Например, профессор не

может поставить двойку студенту, потому что боится расправы со стороны вооруженных группировок, которые могут за ним стоять. Раньше студенты или аспиранты боялись санкций со стороны преподавателя или декана, как и во всем цивилизованном обществе, это нормально, а сейчас – наоборот».

В 1980 году иракское правительство послало Аббаса Халафа в Советский Союз. Он попал в Воронеж сразу на третий курс отделения журналистики филологического факультета ВГУ. Диплом получил в 1982-м, тогда же поступил в аспирантуру МГУ. С 1986 года начал работать на дипломатической службе. Возглавлял отдел СССР в МИДе Ирака. Был советником вице-премьера Ирака Тарика Азиза¹, где его и заметил Саддам Хусейн.

О работе с последним всегда говорил с умилением, переходящим в обожание: «В середине 90-х годов, когда страна жила в тяжелых условиях экономической блокады, я был у Саддама на его встрече с Владимиром Жириновским. Случился непродолжительный перерыв, он взял мясо со своей тарелки и начал меня угощать. Он сказал: "Доктор Аббас, покушайте, я знаю, что сейчас мясо стало дорого и не каждому доступно". Я даже не думал, что он знает, сколько стоит мясо, и что не все в стране могут его себе позволить».

В 2002 году, накануне вторжения США в Ирак, Хусейн отправил Аббаса Халафа послом в Москву. Тогда свое новое назначение он прокомментировал так: «Хусейн хорошо знает Россию, считает эту страну хорошим партнером для Ирака и делает на нее ставку – как на государство, которое несет ответственность за мировую безопасность».

Его работа послом запомнилась необычным казусом.

Первого апреля 2003 года, в то время как войска коалиции двигались внутрь Ирака, Аббас Халаф давал пресс-конференцию в Москве. Перед началом речи он показал журналистам лист бумаги и зачитал якобы экстренное сообщение агентства Reuters: «В результате ошибки Америка нанесла ядерный удар по британским вооруженным силам. Семь человек убито». В зале повисла гробовая тишина. После чего посол безобидно добавил: «С первым апреля!»

Пожалуй, это была его последняя шутка.

Вскоре правительство Хусейна капитулировало, иракский диктатор был взят под стражу и через три года казнен. А его посол Аббас Халаф в том же году обрел в России политическое убежище и открыл строительную фирму «Аббас Инвест групп».

¹ Тарик Азиз (1936–2015) – министр иностранных дел (1983–1991) и одновременно вице-премьер Ирака, один из ближайших соратников Саддама Хусейна, единственный христианин в его правительстве.

«Россия – страна моей молодости, – говорил он, – и по долгу службы я оказался связан с ней. Здесь у меня родились дети, устроилась карьера. Мне здесь хорошо, но все равно дома было бы лучше».

Умер он внезапно: не выдержало сердце...

Воспитанники ВГУ, снискавшие успех на литературном поприще, есть не только на Востоке, но и на Западе.

К примеру, с 1970-х годов, по принятому на правительственном уровне международному соглашению, в Воронежский университет ежегодно приезжали на стажировку полтора-два десятка студентов из Великобритании. Так продолжалось до самых последних дней существования Советского Союза. Прошли годы, многие бывшие британские стажеры из ВГУ у себя на родине сделали карьеру, став видными учеными, политиками, бизнесменами. Есть среди них и литераторы, получившие известность не только среди читателей Соединенного Королевства. О них и пойдет речь.

Начну, пожалуй, с **Саймона Франклина (р. 1953)** – он и по возрасту, и по времени учебы в Воронеже идет первым. В ВГУ он был на стажировке в 1974–1975-м учебном году, причем не только укреплял познания в русском языке, но и принимал участие в городских культурных мероприятиях. Так, профессор ВГУ О.Г. Ласунский вспоминает о его докладе на заседании кружка «Воронежский библиофил» в феврале 1975 года: «Не забыть нам и колоритного по внешности стажера из Великобритании Саймона Франклина, сына букиниста из-под Лондона: он выступил с блестящим сообщением о характере современной антикварной торговли в Англии».

Сейчас С. Франклин – профессор Кембриджского университета, один из авторитетнейших в мире исследователей культуры Древней Руси. В своих книгах (две из них – «Письменность, общество и культура в Древней Руси» и «Начало Руси» (в со-

Саймон Франклин
на заседании «Воронежского библиофила». 1975 год

авторстве с Д. Шепардом) – переведены на русский язык) он исследует проблемы культурной памяти, ее взаимосвязи с такими концептуальными для сегодняшнего мира явлениями, как религия и революция. Данные вопросы профессор Франклин изучает на примере воздействия византийской культуры на Киевскую Русь и возникновения в связи с этим национальной и культурной идентичности русского общества. Исследователю интересен сам механизм выработки социокультурных параметров появления в стране письменной традиции и ее эволюции в национальную память. Как признают специалисты, научный стиль профессора Франклина отличают концептуальная оригинальность, взвешенность авторских оценок, выверенность источниковедческих

Профессор Кембриджа
Саймон Франклин

Публицист, правозащитник Салли Энн Лэрд

оснований. Впрочем, в этом легко убедиться, познакомившись с трудами ученого.

В своих работах Саймон Франклин выделяет в истории России три аспекта, которые, по его мнению, и оказали решающее влияние на формирование русской общенациональной памяти. Это обращение в христианство, появление особого типа надгробных надписей и внедрение технологии печати. Каждый из перечисленных процессов оказал в свое время глубокое воздействие как на форму, так и на содержание мемориальных практик ранней Руси. Но, по мнению Франклина, воздействие это оказалось, в сущности, непредсказуемым, а сами эти процессы с самого начала сопровождались многочисленными разрывами и «фальстартами». В результате технологический прогресс обусловил перемены в процессах памяти, но произошло это вследствие длительной эволюции, богатой в России на паузы, отступления и кризисы.

Вот как пишет об этом Франклин в одной из своих работ:

Ни на одном этапе исторического развития мы не видим, чтобы русы следовали какому-либо общему плану или действовали по раз и навсегда установленным правилам. Они искали и использовали удобные случаи, выдумывали на ходу, рассматривали возможность альтернативных действий. Они приспособливали и преобразовывали свои обычаи и для того, чтобы достичь своих целей, и для того, чтобы справиться с последствиями того, чего они достигли: ведь они имели дело с социальными и политическими результатами своих собствен-

ных успехов в развитии экономики и расширении территории. Это был успех такого рода, который подразумевал постоянные «неудачи»: неверные начинания, проложенные, а затем оставленные пути. Подобные «неудачи» столь же важно учитывать для объяснения «подъема», сколь ошибочно рассматривать их как признаки «упадка»...

В 2007 году бывший стажер ВГУ Саймон Франклин был награжден Российской академией наук Большой золотой медалью имени М.В. Ломоносова «за выдающиеся труды по ранней этнополитической и культурной истории Руси и значительный вклад в изучение древнерусской письменной традиции и памятников древнерусской литературы».

Салли Энн Лэрд (1956–2010) – наша следующая героиня, она прошла путь от стажера филологического факультета ВГУ (в 1977–1978-м учебном году) до известного в Британии писателя-документалиста, редактора и переводчика. Салли родилась в северной части Лондона в семье университетских профессоров – выходцев из Новой Зеландии. Рассказывают, что в детстве она, играя, придумала свой особый язык – язык медведей, где каждому косолапому разрешалось украшать обычные буквы завитками в зависимости от курчавости его меховой шубы. А потом, спустя годы, она влюбилась в страну, без образа медведя не мыслимую.

В Воронеже Салли Лэрд попала после года обучения в Оксфордском университете. В соглашении о намерениях записала: «Хочу заниматься русским языком и русской литературой. Особый интерес: русская литературная критика и русские критики, а также влияние некоторых европейских эстетических теорий на русскую литературу XIX века». В соответствии с этими пожеланиями под руководством того же О.Г. Ласунского она написала работу «Эволюция эстетических взглядов В.Г. Белинского», с которой выступила на нескольких студенческих научных кружках и конференциях.

А еще Салли сообщила в Воронеже о своем желании заниматься «студенческой журналистикой». К тому времени опыт у нее уже был: в Оксфорде она издавала рукописную газету. Но в Советском Союзе продолжить выпуск издания оказалось невозможным. Позже Салли опубликовала письма, которые писала из Воронежа на родину: они полны искреннего изумления, которое девушка испытала от непривычной ей реальности. К примеру, когда поняла, что соседка по комнате в общежитии ВГУ шпионит за ней...

После Оксфорда Салли Лэрд окончила еще и Гарвардский университет, где активно начала заниматься современным советским литературным аван-

гардом. Ее подруга – известная телеведущая и документалист Бриджит Кенделл (кстати, тоже бывшая студентка ВГУ) – вспоминает, что интерес Салли к России был «искренним и честным», она с энтузиазмом разыскивала по советским толстым журналам писателей, которые в условиях цензуры оставались верными себе.

В 1999 году Лэрд выпустила книгу «Русские литературные голоса», в которую вошли ее интервью с десятью современными российскими авторами – Фазилем Искандером, Людмилой Петрушевской, Владимиром Маканиным, Андреем Битовым, Татьяной Толстой, Евгением Поповым, Владимиром Сорокиным, Зуфаром Гареевым, Виктором Пелевиным, Игорем Померанцевым. Книгу сопровождали хроника литературных событий постсоветского времени и критические эссе самой Салли о творчестве ее собеседников, чей литературный стиль она напрямую связывала с социальной ситуацией в стране. К примеру, вот так: *...произведения Сорокина, в частности, могут быть прочитаны как страстный ответ обществу, построенному на лицемерии и фальши, где грандиозные претензии на моральную правоту сочетаются с едва ли не беспрецедентной способностью к насилию. В подобном обществе сам язык подвергается надругательству и, вместо того чтобы служить средством общения, становится инструментом контроля и отрицания. Насилие совершается как над значением, так и над человеческими жизнями. И произведения Сорокина «воспроизводят» это насилие на нескольких уровнях.*

Лэрд считала, что в жизни есть только один способ избежать насилия: показать, что любая природа нормы – это путь к репрессиям. Этот принцип был использован в масштабной документальной работе *Till my Tale is Told* («Пока моя история не будет рассказана»), объединившей в себе мемуары женщин – узниц ГУЛАГа. В этом проекте Салли выступила и как редактор, и как переводчик.

Кстати, переводы с русского языка занимали значительное место в жизни Лэрда. Ее коллега Роберт Чендлер вспоминает, что Салли была первоклассным музыкантом, имела необычайный слух и потому ее переводы были сделаны на высочайшем уровне. Она переводила произведения Петрушевской, Сорокина, Евгения Попова, Пелевина – словом, тех современных российских авторов, творчество которых было ей близко. В последние годы своей жизни она начала работать над переводом рассказов Ивана Бунина, но этот проект так и остался незавершенным.

В конце 1980-х годов Салли Лэрд возглавляла известный правозащитный журнал «Индекс / До-

сье на цензуру», возникший в 1972 году по призыву московских правозащитников Павла Литвинова и Ларисы Богораз, обратившихся в августе 1968-го с письмом к английскому поэту Стивену Спендеру с просьбой создать «международный комитет или совет, целью которого была бы поддержка демократического движения в СССР». Издание стремилось защитить права на свободу слова и самовыражения, на доступ к информации повсюду в мире. После того как социалистический лагерь в Европе распался, Лэрд создала и возглавила специальный Центр, который оказывал помощь независимым издательствам, возникшим в странах бывшего советского блока. Тогда же она выступила редактором большого издательского проекта «Центральная европейская классика», в рамках которого на английском языке вышли лучшие русские романы XIX и XX веков.

В 1993 году Салли Лэрд переехала в тихую Данию, где ее мужу, кинорежиссеру Марку Ле Фаню, предложили должность в Европейском киноколледже. Салли выучила датский язык, создала переводческую компанию, которая готовила к изданию книги переводов английских и русских авторов.

Она по-прежнему старалась не отрываться от российской реальности, часто бывала в нашей стране, несколько раз приезжала в Воронеж. В 1999 году Лэрд приехала в наш город в последний раз. Об этой поездке она написала статью, в которой процитировала письмо от так и незадуманного ею русского друга: «Добрый день, дорогая, нежная, умная и незабываемая Салли! После того как ты уехала, Воронеж погрузился во мрак. Я никогда не забуду наши встречи – это было настоящее счастье...»

Летом 2010 года Салли Энн Лэрд не стало.

Ванора Беннетт (р. 1962) – еще одна студентка ВГУ, получившая литературное признание на родине. Она приехала в Воронеж в сентябре 1983 года на десятимесячную стажировку, от которой, судя по всему, ожидала многого. «Я хочу и улучшить знания русского языка, и знакомиться с русскими студентами, и путешествовать по СССР, и кататься на лыжах, и вообще – всё!», – восторженно написала она в анкете.

Но в декабре Ванора уехала на рождественские каникулы домой и не вернулась. Годы спустя она будет работать в России, но в Воронеж уже не приедет никогда. Почему так произошло – не знаю: видимо, были на то какие-то свои личные причины.

Сегодня Беннетт – автор четырех достаточно известных в Англии романов, один из которых – «Роковой портрет» – переведен на русский язык старшей дочерью Василия Шукшина Екатериной. Кроме того, у Ваноры Беннетт вышли несколько

Ванора Беннетт успешно работает в жанре исторического романа

документальных книг о России – результат ее многолетней работы в Москве собственным корреспондентом ряда западных изданий.

Ванора выросла в Лондоне в семье музыкантов. Естественно, получила в детстве музыкальное воспитание, и сегодня она играет на нескольких инструментах и даже сама делает скрипки. Окончила Оксфордский университет, где изучала русский и французский языки. После побега из ВГУ перебралась во Францию, где в тихом парижском пригороде Медон прошла стажировку в Центре Святого Георгия (знаменитой школе отцов-иезуитов, основанной русскими эмигрантами в 1920-х годах).

После этого в жизни Беннетт началась репортерская полоса. Сначала Ванора отправилась на юг Африки, где два года работала собственным корреспондентом агентства Reuters в Мозамбике и Анголе. Отсюда она перебралась в Юго-Восточную Азию, где около года была собкором того же агентства в Кампучии. В начале 1990-х Ванора вернулась в Россию и семь лет проработала здесь корреспондентом Los Angeles Times и все того же Reuters. Результатом этой работы стали не только многочисленные корреспонденции из нашей страны и стран СНГ, но и две документальные книги, вышедшие сразу после возвращения в Лондон – о чеченской войне и о русской мафии, организовавшей сеть незаконной торговли черной икрой.

А потом Ванора Беннетт вышла замуж. Она больше не писала репортажи из горячих точек. Жизнь ее обрела спокойный и размеренный ритм. В газете The Times of London она вела еженедельную авторскую колонку и нянчила двух маленьких сыновей, которые у нее появились друг за другом.

В какой-то момент она почувствовала, что ей стало тесно на газетной полосе. И тогда она решила написать роман. В одном из интервью Ванора рассказала об этом так:

Еще когда я работала в России, меня заинтересовала психология новых хозяев жизни, которых все называли «новыми русскими». Когда же я вернулась в Лондон, то в один из выходных отправилась на выставку рисунков немецкого художника XVI века Ганса Гольбейна. Он изображал класс новых английских богачей, появившейся во времена царствования Тюдоров. Когда я увидела эти лица – я похолодела: они выглядели совершенно так же, как страшные «новые русские», которых я видела в Москве за рулем BMW. И я купила каталог выставки. Там, в одной из сносок, обнаружила короткую ссылку на историю, раскрывающую сложную теорию заговора. История меня очаровала. Я начала читать о ней всякую специальную литературу и однажды поняла, что знаю уже достаточно. Во всяком случае, могу рассказать об этом другим.

Так появился роман «Роковой портрет» (2007), который сразу же попал в шорт-лист английской престижной литературной премии. Эта книга относится к популярному сегодня в мире жанру альтернативной истории, основанной на допущении, которое, будь оно правдой, смогло бы резко поменять всю последующую историю страны. Время действия – 1527 год. Знаменитый живописец Ганс Гольбейн приезжает в Лондон, чтобы написать портрет одного из самых авторитетных людей эпохи – признанного ученого и высокопоставленного чиновника Томаса Мора в кругу семьи. Шумный, веселый и богатый дом Мора привлекает самых известных философов, политиков и людей искусства. Однако проницательного живописца не может ввести в заблуждение внешнее благополучие. В семье Мора тайны есть у каждого. Всем есть что скрывать. Порой эти тайны скандальны, порой – смертельно опасны. И по мере создания картины они открываются...

После успешного дебюта Ванора Беннетт написала еще четыре романа, последний из которых – «Полночь в Петербурге» – был посвящен России.

Эта волнующая история любви, а еще это рассказ о городе Санкт-Петербурге, – говорит писательница. – Я хорошо знаю этот город, провела там много времени, когда жила в России. Думаю,

это место из разряда тех, где необходимо побыть каждому. И, самое главное, я хотела написать о человеке, который лишился родины. Я всегда восхищалась людьми, которых выбросило из ужасного прошлого, но которые вновь обрели себя в абсолютно иных обстоятельствах и совсем в другом месте.

Я хотела проследовать за героиней своего романа во время этого выброса энергии. Она еврейка, живущая в России, в период революционных событий 1917 года бежит с юга страны, опасаясь погромов, и только к концу книги начинает осознавать, где её настоящее место в жизни.

А еще почти во всех интервью Ванора упоминает о том, что ее по-прежнему завораживает русский язык, русская культура и вообще всё, что связано с нашей страной.

Когда я работала в России, я много писала в своих репортажах о событиях, предшествовавших первой войне в Чечне, и о событиях после войны. Я разговаривала со многими обычными людьми, которым надо было справляться с ситуациями, преподнесенными им жизнью. Все эти люди, как живые, стоят у меня перед глазами... Я не могу оперировать такими терминами, как «любовь» или «ненависть». У меня просто нет безразличия к России. Помню, что когда жила там, то любила и ненавидела эту страну пятьсот раз в сутки, но безразличия к России я не испытывала никогда. Мне это трудно объяснить даже самой себе.

Сейчас Ванора Беннетт пишет новую книгу. Ее увлек очередной сюжет в жанре альтернативной истории...

А разговор о британских стажерах ВГУ, снижавших признание на литературном поприще, завершу рассказом о **Шарлотте Хобсон (р. 1970)**. О «несносной и ужасной» Шарлотте Хобсон, ставшей самым настоящим enfant terrible для многих преподавателей ВГУ, кому в начале 1990-х довелось работать с английскими стажерами. В одной пятнадцатилетней давности воронежской публикации, рассказывающей о Хобсон, приводился весьма колоритный ее портрет:

Появилась высокая и худая англичанка и попросила работу. Носители языка всегда нужны. Смущал только ее болезненно испитой, неряшливый вид, да и ее явно нетрезвый спутник... Мы помогли ей с квартирой, старались подкормить – она выглядела постоянно голодной, сокрушались по поводу ее нетрезвых спутников и дурной компании вообще. Уезжая на родину, она попросила денег взаймы. В общем, абсолютно деградирующая личность...

Поводом к столь негативному восприятию этой англичанки послужила ее книга «Город Черной зем-

Шарлотта Хобсон – автор скандальной книги о перестройке в Воронеже

ли: год в сердце России» (2001), где она подробно описала проведенное в Воронеже время. На родине за свое сочинение Шарлотта получила довольно престижную премию Сомерсета Моэма (лучший дебют года), книга выдержала несколько изданий – не только в Соединенном Королевстве, но и в США. А вот в наших краях откровения бывшей стажерки ВГУ вызвали резкое неприятие.

Шарлотта Хобсон родилась на юге Англии, в графстве Уилтшир, в семье, имеющей русские корни. Мне не раз доводилось слышать, что в Воронеже Шарлотта часто рассказывала одну и ту же историю: якобы ее прадед Павел Гаврилович Виноградов преподавал когда-то юриспруденцию в Московском университете, а потом (еще до революции) вместе со всем семейством перебрался в Оксфорд. Сама Хобсон поступила в Эдинбургский университет, где училась сначала на арабском, а затем на русском (в память о прадеде) отделении.

В ВГУ она приехала в 1991 году и провела здесь полный учебный год. О чем и рассказала в своей скандальной книге. По ее сюжету авантюристка двадцати с чем-то лет оставляет уютный дом в благообразной Англии и едет в бушующую свободой Россию, чтобы там испытать себя.

На дворе 1991 год. Президента СССР Михаила Горбачева только что лишили власти, после чего Советский Союз перестал быть существующей страной. Молодежь повсеместно начинает испытывать головокружение от неожиданно свалившейся на нее

свободы. Западные фильмы в кино, безвкусные пластовые сумки на улицах и... секс. Много секса.

Вот в такую обстановку и попадает студентка Эдинбургского университета Шарлотта Хобсон. Она решает познать эту свободу не в ее столичном варианте, а в глубинном, провинциальном. Поэтому, прибыв из Англии, она не задерживается в Москве, а едет в неведомый ей Воронеж, о котором к тому моменту знает только то, что во время Второй мировой войны здесь шла 200-дневная битва...

Шарлотта поселяется в кишасщем тараканами студенческом общежитии, обитателям которого нет до этих насекомых никакого дела, поскольку все они «кипят энергией». По большей части – сексуальной.

После советского эротического голода молодежь новой России самозабвенно предается необузданному, дикому разгулу. Жильцы общежития показаны гротескно: маленький Павлик, бывший воспитанник детдома, американец Билл, наркоман Петя, спекулянт Лапочка, Виктор с неременной бутылкой водки, жадина Света, вечно подбирающая иностранные коробочки с яркими этикетками, проститутка Лена – все они живут в одном безумном мире, в котором много свободы, но нет уюта.

Комфортно себя чувствует лишь некий Эдик Зеленый, претенциозный интеллеktуал и сноб. Он счастлив, что сумел раздобыть официальную бумагу, удостоверяющую, что он является умственно отсталым 3-й степени. Умственная отсталость 1-й или 2-й степени означала бы заключение в психбольницу, а вот 3-я степень давала массу преимуществ, главное из которых – освобождение от армии. Обожаящая его мама празднует это событие в кругу семьи и близких друзей, угощая их яичницей...

Михаэль Шиндхельм в его воронежские годы

С не меньшим гротеском описаны и преподаватели, действовавшие в книге под своими реальными фамилиями. О некоторых из них говорится безжалостно и даже жестоко: «она была похожа на сказочного персонажа, извергающего жаб при каждом слове» и т.д. Думаю, именно этим обстоятельством и обусловлено резко негативное отношение к книге Хобсон в Воронеже. Когда несколько лет назад я попытался найти здесь переводчика для «Города Черной земли», чтобы опубликовать в альманахе, то натолкнулся на совершенно глухую стену всеобщего бойкота...

Свою вторую книгу Шарлотта писала долгие пятнадцать лет. За это время она вышла замуж за английского писателя Филипа Марсдена, поселилась в Корнуолле, родила двоих детей.

Ее новый роман «Исчезающий футурист» (2016) – тоже о России. Там даже сюжетная линия напоминает ее первое произведение. Правда, действие происходит в совершенно другое, но не менее судьбоносное время.

Герти Фрейли, худосочная, воспитанная на классических романах английская девушка, приезжает в Россию, чтобы занять должность гувернантки в семье московского либерального политика Кобелева. На дворе май 1914 года, впереди – Первая мировая война, революция, гражданская бойня... Через все эти испытания английская гувернантка проходит вместе Кобелевыми, семья которых разрушается под ударами судьбы, и еще одним загадочным персонажем – Никитой Славкиным, начинающим физиком, который работает над проектом построения некой секретной машины, с помощью которой можно заставить весь мир подчиниться революционному государству...

В одном из недавних интервью Шарлотта Хобсон призналась: *Мое увлечение Россией началось после того, как в юности я прочла воспоминания о танцоре Нижинском, написанные его женой Ромолой. Эта очень сентиментальная и, как говорят, довольно тенденциозная книга произвела на меня огромное впечатление. Необычайный дар, стремительная карьера, успех, слава и внезапная шизофрения, перечеркнувшая все достижения, были прочувствованы мной в свое время достаточно остро. Я поняла, что рок висел не только над судьбой одного русского гения. Он висел и над судьбой его страны...*

Но если легкое предчувствие шизофрении наполняет книги Ш. Хобсон о России и Воронеже веселой чертовщиной, то в одном из романов еще одного выпускника ВГУ образ нашего города погружен в атмосферу мрачного сатанизма. Я говорю о романе «Путешествие Роберта» (2000), автором которого является немецкий писатель, переводчик и режиссер **Михаэль Шиндхельм (р. 1960)**.

В советские времена немцы из Восточной Германии, называемой тогда ГДР и входившей в «социалистический лагерь», приезжали на учебу в Воронежский университет едва ли не в большем количестве, нежели английские стажеры. В отличие от посланцев Великобритании, студенты из Германской Демократической Республики могли пройти в ВГУ полный пятилетний курс обучения.

Вот и уроженец курортного городка Айзенах Михаэль Шиндхельм с 1979 по 1984 год учился на химическом факультете ВГУ, который окончил с красным дипломом. В интервью, данном несколько лет назад альманаху «Университетская площадь», он вспоминал о своих студенческих годах в Воронеже так: *Моё пребывание в Советском Союзе было неразрывно связано с Воронежем, который я выбрал для прохождения учёбы сам. Это был очень важный период в жизни, определивший многое в дальнейшей судьбе. Я встретил здесь немало людей, которые в той или иной степени оказали ощутимое влияние на формирование моего профессионализма... Мой выбор в обучении пал на квантовую химию, которую, честно говоря, не только в Воронеже, но и в Советском Союзе вообще не преподавали. На химическом факультете ВГУ моим научным руководителем в течение последних двух лет был педагог по фамилии Кондрашин¹, который интересовался вопросами квантовой химии. Но специальной кафедры, соответствующей лаборатории и отлаженной системы научных исследований в этой области на факультете не было. Так что надо было выработать концепцию изучения интересующего меня предмета. И мы связались с кафедрой физики твёрдого тела, в частности, с преподавателем Тимошенко². Вот эти два человека были, действительно, для меня очень важны... Да! Там еще был человек, который был и преподавателем, и другом для меня – Витя Гордин³.*

Подтверждение сказанному содержится в выпускной характеристике Шиндхельма, подписанной ректором ВГУ: «Отличается способностью к самостоятельной учебно-исследовательской работе, умеет удачно планировать свою работу и тщательно ее выполнять».

Автобиографический роман «Путешествие Роберта» стал первой книгой писателя. В нем Шинд-

Писатель, переводчик, режиссер
Михаэль Шиндхельм

хельм попытался выразить мироощущение своего поколения, которое ни в ГДР, ни в Советском Союзе, ни позднее на Западе не может найти себя.

Некто Роберт Шиллер, от чьего лица и ведется повествование, блуждает между нынешней жизненной ситуацией и воспоминаниями о скитаниях в прошлом. Он рассказывает историю своего отчуждения, которая берет начало еще во времена ГДР, где он провел детство и юность, пытаясь сохранить самобытность в обществе всеобщей отрегулированности и контроля. Сделать это ему не удастся, и тогда Роберт решает поехать на учебу в Советский Союз. Так он попадает в Воронежский университет, и большую часть книги составляет описание жизни героя в нашем городе. Фактически, это описание ада. На страницах романа Шиндхельма Воронеж предстает не только одним из безликих советских городов, олицетворяющих унылую жизнь в царстве «коммунистической мечты», но и обретает inferнальные черты, особенно из-за близости атомной станции, отравившей местную экологию (по сюжету Роберт купается в зловонном водохранилище,

¹ Владимир Юрьевич Кондрашин, окончил химический факультет ВГУ в 1971 году, преподает на родном факультете с 1974 года. Ныне – кандидат химических наук, доцент кафедры физической химии.

² Юрий Константинович Тимошенко – ныне доктор физико-математических наук, профессор кафедры математического и прикладного анализа ВГУ.

³ Виктор Леонидович Гордин (1940–1992) – кандидат химических наук, доцент кафедры неорганической химии ВГУ в 1970–1991 годах, популяризатор знаний о воронежском периоде жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С 1991 года жил в Израиле. Погиб в автокатастрофе.

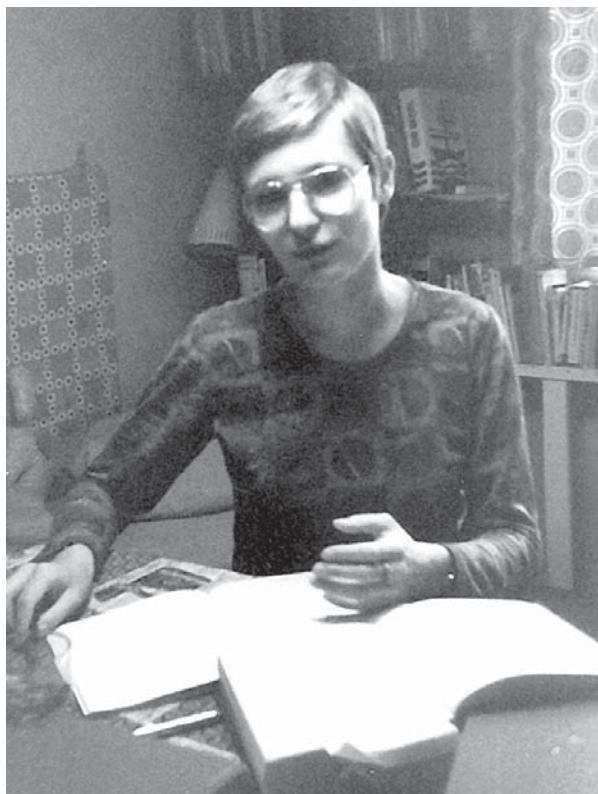
где плавают мертвые рыбные тушки). Город в этом романе – это «смертельная угроза», «чёрная земля бесконечной печали», «ничего общего больше с Европой не имеющая».

Постепенно в этом городе заканчивается еда, но зато остается много водки, которую люди пьют из-за обреченности, ощущая себя в безнадежной осаде зла...

В конце концов город наполняют звуки «парализующего сознание скрежета траурного марша». В Москве умер Брежнев...

«Путешествие Роберта» – это свидетельство пережившего эпоху безвременья человека, открывшие показания обреченного.

...Спустя почти тридцать лет, в декабре 2010-го, Шиндхельм приехал в город своих студенческих фантазий. К этому времени за его плечами была уже блестящая карьера: достаточно известный в мире писатель-драматург, переводчик, автор дюжины книг, нескольких фильмов и театральных постановок, консультант по вопросам культуры при правительстве многих стран мира, содиректор нескольких проектов российского Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»...

Ганна-Мария Браунгардт
в студенческом общежитии ВГУ

В Воронеже в тот раз он прочел лекцию на форуме «Зодчество Черноземья», встречался с университетскими профессорами, политиками, губернатором... А еще – долго ходил по улицам. Позже признался: *Был декабрь, и день был темный и очень короткий. Я узнавал улицы и скверы, отдельные здания, которые сохранились с момента моего отъезда в Германию, хотя жил я в гостинице, которой, конечно, не было в советское время. Но, с другой стороны, в городе были те же люди. Я узнавал эти лица! То есть существует какая-то социальная непрерывность. Безусловно, сейчас другая политическая система, но осталась окружающая среда, которая никуда не делась...*

Можно сказать, что исследование этой самой среды находится в центре внимания еще одной бывшей студентки из ГДР, выпускницы филологического факультета ВГУ 1980 года **Ганны-Марии Браунгардт (р. 1956)** – ныне ведущего переводчика русскоязычной литературы в Германии.

Ганна-Мария появилась на свет в небольшом промышленном городке Криммитшау, расположенном на земле Саксония, в семье театральных актеров. В доме, где прошло ее детство, была большая библиотека. Детских книг в ней, впрочем, почти не было, поэтому мама с самого раннего возраста читала дочери книги Томаса Манна и Германа Гессе. А однажды на Рождество родители преподнесли Ганне роман Толстого «Война и мир» на языке оригинала. Тогда девочка училась уже в 8-м классе берлинской школы с расширенным преподаванием русского языка. Великий роман дался ей тяжело: приходилось постоянно заглядывать в словари – не только русский, но и французский, на котором, как известно, написаны некоторые страницы «Войны и мира». Зато после этого она уже легко прочла Горького, ни разу в словарь не заглянув...

На филфаке ВГУ Браунгардт появилась в сентябре 1976 года и, по ее собственным словам, «провела там несколько прекрасных лет». В студенческой характеристике, написанной в те годы куратором группы и хранящейся ныне в архиве ВГУ, о ней сказано: «Ганна – студентка из ГДР, но её не сразу отличишь от русских студентов. Прекрасно говорит по-русски, участвует во всех делах группы, дисциплинирована, обладает чувством ответственности. Учится успешно. Занимается научной работой. Среди товарищей и преподавателей пользуется авторитетом».

Кстати, Ганна-Мария, попавшая в Воронеж в те же примерно годы, что и Шиндхельм, запомнила город совершенно другим. Некоторое время назад

Ганна-Мария Браунгардт –
ведущий переводчик
современной русскоязычной
литературы в Германии.
2015 год

мы активно переписывались с ней по электронной почте, и вот что она мне рассказала о Воронеже:

Атмосфера в вашем городе во второй половине 1970-х годов была не столь политизированной, как в ГДР. К примеру, мы, немецкие студенты, относились ко всякого рода «общественной работе», как правило, довольно ответственно, а мои русские сокурсники смотрели на неё, как на что-то абсолютно формальное, нетворческое, казенное. Не было той «идеологической серьезности», которую я постоянно чувствовала в среде своих соотечественников. Во всяком случае, в нашей четвертой группе филологического факультета я ощущала себя вполне свободно. Никто не давал каких-либо политических установок, на вечеринках мы открыто пели песни Окуджавы и Высоцкого, частушки собственного сочинения о работе в колхозе и разных событиях университетской жизни, высмеивая в них любое проявление тупости, в том числе и бесконечные пустые говорильни на партийных съездах... И еще – мы совершенно искренне радовались жизни.

Первой книгой, вышедшей в Германии в переводе Браунгардт, была повесть Сергея Каледина «Смирненное кладбище». Это произошло в 1991-м. Потом её переводы стали появляться по несколько раз в год. В 1994-м она впервые перевела Людмилу Улицкую. Цикл рассказов «Девочки». Немного позже – книгу Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». Сегодня благодаря Ганне-Марии творчество двух писательниц известно немецким читателям в полном объеме.

Я спросил Ганну-Марию: почему, на ее взгляд, в сегодняшней Европе так востребовано творчество

именно этих авторов? Что такого уникального книги Улицкой и Алексиевич сообщают миру о России XXI века?

Ганна ответила просто: *Они пишут на любимую мою тему – о человеке и для человека. Литературные средства у них абсолютно разные, но объединяет их «общий фон», на котором разворачиваются сюжеты их произведений.* И пояснила: «В книгах Алексиевич раскрываются многие явления советской жизни, важные психологические особенности советского человека. Почему он стал именно таким? Как события XX столетия – революция, Гражданская война, сталинизм, ГУЛАГ, Вторая мировая война, Афганистан, Чернобыль, перестройка и ее последствия – влияли на жизнь „маленького“ человека в СССР? И почему переход в России к новому обществу оказался таким трудным и мучительным? А Улицкая рассказывает о противостоянии этого человека бесчеловечной государственной системе. Её герои часто маргиналы, изгои, являющиеся своеобразным противовесом мифическому „советскому гражданину“. Поэтому из её книг можно узнать о другой, противоположной официальной, стороне жизни советского общества».

Собственно, о человеке, противостоящем любым жизненным ситуациям, размышляли в разные времена все герои данного очерка, объединяет которых – Воронежский университет, ставший для столь разных и по взглядам, и по таланту людей одной общей alma mater.

И факт этот – повод для еще одной гордости за вуз, отмечающий в этом году вековой юбилей.